

Г. Ф. Ковалев

НЕБЕСА ПОЭТОВ. АСТРОНИМЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Если бы когда-нибудь звезды спустились с неба на землю, как скучно бы нам стало, как тяжело...

М. М. Пришвин

Хотя и писал Ю. Олеша: “С достоверностью можно утверждать, что подавляющее большинство людей не уделяет какого-либо особого внимания звездному небу. Часто ли вы видите человека, который, подняв голову, смотрит на звезды? или бывало ли с вами так, чтобы в то время, когда вы сами смотрели на звезды, кто-либо подошел к вам и, догадавшись, какой звездой вы именно восхищаетесь, разделил с вами восхищение? ... Иногда и сам идешь, забыв о небе, и оно над тобой как надвинутая на лоб голубая шапка с блестками”¹, однако вряд ли это можно отнести на счет писателей и поэтов.

Истинный русский писатель в описании природы не мог пройти мимо ее загадочного и романтического явления — звездного неба. В. Солоухин задавал вечный вопрос себе и читателю:

Откуда в сердце сладкая тревога
При виде звезд, рассыпанных в ночи?
Куда нас манит звездная дорога
И что внушают звездные лучи?

Какая власть настойчиво течет к нам?
Какую тайну знают огоньки?
Зачем тоска, что вовсе безотчетна,
И какова природа той тоски?

(“Аргумент”, 1972)

Ночное небо манило, оно таило в себе загадку вечности: на Земле все меняется с течением времени, и только небо остается всегда неизменным. Не зря, видимо, В. Г. Бенедиктов так описал ночное небо:

Взгляни на небеса: там стройность вековая.
Как упоительна созвездий тишина!
Как жизнь текущих сфер гармонии полна, —
И как расчетиста их пляска круговая!

(Сонет “Комета”, 1835)

Великий русский художник Н. Рерих в стихах показал, что видение звездного неба соответствует чувствам человека, да и само небо живет своей жизнью:

Вчера еще Кассиопея
была и грустна и туманна,
Альдебаран пугливо мерцал.
И не показалась Венера.
Но теперь воспрянули все.
Орион и Арктур засверкали.
За Алтаиром далеко
новые звездные знаки
блестят, и туманность
созвездий ясна и прозрачна.
(“Пора”, 1916)

А. А. Фет дал звездам высказаться таким образом: “Вечность — мы, ты — миг / Нам нет числа...” (“Среди звезд”, 1876). Для Всеволода Иванова сюжет и расстановка героев художественного произведения — галактика с орбитами различных космических объектов: “*Орбитная схема сюжета*. Это — гипотеза, как и все относящиеся к теории прозы. Закон Бодэ: орбиты планет отстоят друг от друга в прогрессии умножения на два: 2, — 4, — 8 и т.д. — Если взять основного героя, как ядро, вокруг которого вращаются орбиты остальных героев, то встречи их будут — во временном отношении, исчисляемом у нас главами, — 2, 4, 8, 16; чем реже встречается герой со своим антиподом, чем реже упоминаются его замыслы, тем далее отступает он — в длину своей орбиты. Точка столкновения лучей воздействия, конечно, воображаемая, но не более воображаемая, чем и в астрономии, и куда более точная, чем теория прозы”².

Изучение астрономов в структуре художественных произведений совсем не преследует такой цели, как получение сведений о том, насколько писатели и поэты знакомы с элементарной астрономией, т.е. хотя бы с названиями объектов звездного неба. Нет, такое знание помогает выявлению специфических, как правило, сугубо индивидуальных, поэтических ассоциаций, связанных как с самими звездами, так и с их названиями. На этом в основном и строится астрономическая метафорика в отечественной прозе и поэзии. М. Э. Рут и Е. В. Ширихина даже предложили создать Словарь астрономов в русской поэтической речи³. Однако на сегодняшний день существует только одна работа по писательской астрономии — это статья Л. Ф. Фоминой об астрономах в творчестве К. Г. Паустовского⁴.

Конечно, отечественные авторы, за редким исключением, не доходили до профессионального изучения звездных названий, как это делала чешская писательница Божена Немцова, которая на базе опроса болгарских информаторов написала научную статью по болгарской народной астронимии⁵. И все-таки... Многие поэты и писатели России хорошо знали названия звездного неба. В. Нечаев описывает воспоминания А. Е. Крученых: “С большим удовольствием Алексей Елисеевич поведал мне о следующем случае. Бенедикт Лившиц, когда они шли с Хлебниковым, показал какую-то звезду и назвал ее. Тогда Хлебников стал называть все звезды по-славянски. Лившиц был поражен. Крученых рассказывал так, как будто не Хлебников, а он сам назвал все звезды”⁶. А Н. С. Гумилев заметил с характерной для него ностальгией по Африке: “Здесь (в Крыму) нет созвездья Южного Креста...”⁷.

Одним из первых поэтически откликнулся на ночное небо М. В. Ломоносов в своем “Вечернем размышлении о божием величестве при случае великого северного сияния”:

Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

(1743)

С восторгом писал в своем дневнике М. М. Пришвин: “Звезды зажглись... Тайна легла над землей. Господи! Оставь так”⁸. Однако для него ясное звездное небо чаще всего — признак морозной зимы: “Зима прощается яркими звездами, весна подходит сухими тропинками”^{8а}. Или в другом месте того же дневника: “Звезды всю ночь были яркие и виден был Млечный Путь — мороз! Утренняя звезда сошлась близко с рожком месяца — мороз, зима скоро...”^{8б}. Однако в целом для М. Пришвина ночное небо никогда не становилось самостоятельным предметом описания. Оно для него — фон, на котором проходят жизни людей: “Луна всегда одинаковая, но вспомните, как встречали мы ее восход в детстве, в юности и после, да зачем в детстве и юности! Вчера, глядя на месяц, я был один, сегодня вижу и думаю о совершенно другом. Не “луна плывет по небесам и смотрит с высоты”, а это мы проходим, вечно мерцающая”^{8в}. Так и Млечный Путь для него лишь своеобразная метафора: “Можно так смотреть на мир, что он есть мир бывалого и все, что в нем есть, все было: и Америка была до своего открытия, и атомы вертелись без нашего спроса до открытия атомной энергии, и так было всегда решительно все, что у нас теперь есть. Од-

нако через всю эту массу мира бывалого проходит у нас на земле свой особенный Млечный или Птичий путь к небывалому”^{8г}.

А. А. Фет сравнивает Млечный Путь с водной дорогой:

Луна чиста. Вот с неба звезды глянут,
И, как река, засветит Млечный Путь.
(“Степь вечером”, 1854)

Н. С. Гумилев же склонен рассматривать Млечный Путь как звездный сад:

И тогда повеет ветер странный —
И прольется с неба страшный свет:
Это Млечный Путь расцвел неожиданно
Садом ослепительных планет.
(“Память”, 1921)

Велемир Хлебников почему-то представляет Млечный Путь чем-то зоо- или антропоморфным:

Я Господу ночей готов сказать:
“Братишка!” —
И Млечный Путь
Погладить по головке.

правда, далее, в том же стихотворении, Млечный Путь уже видится взглядом якобы не поэта, а сапожника — в виде дратвы:

Сапожники! Гордо сияющий
Весь Млечный Путь —
Обуви дерзкой дратва.
Люди и звезды — братва!
(“Моряк и поец”, 1921)

Для В. Брюсова не подошло само название “Млечный Путь”, он изобретает ему и новое название, и новую поэтическую функцию:

Вам всем, этой ночи причастным,
Со мной в эту бездну глядевшим,
Искавшим за Поясом Млечным
Священным вопросам ответ, <...>
Всем зачатым жизням — привет!
(“Приветствие”, 1904).

Зато через тринадцать лет после этого стихотворения он возвращается к традиционному названию:

Взгляни в ночные небеса,
Где пала звездная роса,

Где Млечный Путь, как полоса,
Пролег и свет на свету множит...
(“Голос иных миров”, 1917).

Несколько иные функции Млечного Пути видел Л. Мартынов:

Сегодня ночью
Виснет Млечный Путь
Над кратером потухшего вулкана,
Как будто хочет заглянуть
В немое жерло этого вулкана.
(“Вечный путь”, 1966)

А комсомольский поэт А. Безыменский с пафосом революционного прагматизма восклицал:

По-вредительски густейший
Высев Млечного Пути.
Небо, небо! Сколько зерен
Пропадает ничем!
Очень тучен, очень черен
Твой могучий чернозем.
Если б воля, если б разум,
Да размах колхозных дел...
Но никто хозяйским глазом
За тобою не глядел.

И продолжил тему в другом варианте этого стихотворения:

Над землею — поле звезд,
А на поле зерна звезд.
Знать, севцы небесной дали,
Без надзора, обнаглев,
Мелкой вспашкою пахали,
Не заделали посев.

Далее — как в предыдущем варианте: Небо, небо..... (“Ночь”, 1933)

Да и в целом на космос он смотрел лишь как на будущую грандиозную стройплощадку по изготовлению коммунальных общежитий:

Мост воздушный перекинем
К Марсу, к тысячам планет!
Покоряйся блузам синим,
Эй, Земля! — Исхода нет.
(“Пять песен человека”, 1920)

Для А. А. Блока поэзия ассоциировалась с космосом: “Всякое стихотворение вначале — звенящая, расходящаяся концен-

трическими кругами точка. Нет, это даже не точка, а скорее астрономическая туманность. Из нее рождаются миры”⁹.

Ф. И. Тютчеву ночь и ее небо навевают иные мысли. Для него солнечное тепло — покров, а свет — ясность и покой:

Но меркнет день — настала ночь;
Пришла — и с мира рокового
Ткань благодатную покрыва,
Сорвав, отбрасывает прочь...
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами —
Вот отчего нам ночь страшна!
(“День и ночь”, 1830)

В своей любви к звездам признавался А. А. Фет:

Я долго стоял неподвижно,
В далекие звезды глядясь, —
Меж теми звездами и мною
Какая-то связь родилась.
Я думал... не помню, что думал;
Я слушал таинственный хор,
И звезды тихонько дрожали,
И звезды люблю я с тех пор...
(1843)

М. Кузмин в своем дневнике оставил такую запись: “Луна, звезды и небо меня всегда пьянят и возбуждают”¹⁰. Поэтому он использовал названия звезд только как средство для выражения своих лирических настроений:

Как не узнать тебя, звезда Венеры?
Хоть трепетно и робко ты дрожишь,
Но прежней прелестью любовной веры
Над разделенными ты ворожишь.
(“Одно и то же небо над тобою...”)

Среди же стихов Я. П. Полонского есть описания ночи, но совершенно нет описаний ночного неба и звезд. Впрочем, это же относится и к такому поэту, как А. Н. Плещеев. Единственный намек на звезду у него — метафорическое осмысление Полярной звезды или Вифлеемской звезды христианского цикла, ставшее уже давно фразеологизмом:

Пусть горит им светоч знания
Путеводною звездой.
(“Тосты”, 1871)

Поэт Д. П. Ознобишин написал стихотворение “Антиастроном”, в котором, споря с астрономами и “здравым” рассудком, пессимистично заявил:

Когда бы нам творец судил,
Окончив дней течение,
Быть вновь жильцами тех светил —
Всё было б впрок ученье.
Но жажда истомит в Луне,
Юпитер долго в стуже.
На Солнце весь сгоришь в огне,
В других планетах — хуже.
(1834)

А пролетарскому писателю А. М. Горькому звезды понадобились для освещения ситуации в России:

Сквозь железные решетки
С неба в окна смотрят звезды...
Ах! В России даже звезды
Смотрят с неба сквозь решетки.

Конечно, в язык поэзии чаще всего попадали названия звезд, связанные с образами мифологии. Однако нередко в литературе они были оснащены сугубо русскими описаниями и связаны с ассоциациями, почерпнутыми в родной природе, родном языке.

В русском языке *Плеяды* чаще всего называются родным словом *Стожары*. Великий знаток русской природы, особенно Черноземья, И. А. Бунин так определил внешний вид Плеяд: “5 октября. ... Вызвездило. Я стоял на последней ступеньке своего крыльца — как раз против меня был (над садом) Юпитер, на его левом плече Телец с огоньком Альдебарана, высоко над Тельцом гнездо бриллиантовое — Плеяды”¹¹. Интересно, что в русских говорах существует название Плеяд и в таком варианте: *Гнездо*, *Утиное Гнездо* и т.п.

В стихотворении “Листопад” в этом звездном скоплении он видит уже не бриллиантовое гнездо, а звездный щит:

А в ночь, меж белых их разводов,
Взойдут огни небесных сводов,
Заблещет звездный щит Стожар —
В тот час, когда среди молчанья
Морозный светится пожар.
Рассвет полярного сиянья!
(1900)

Близкое к народному восприятие вида и названия Плеяд было и у К. Г. Паустовского. В “Золотой розе” он восхищается этим созвездием: “Очень благозвучно и слово Стожары, — так в этих областях (да и не только в них) народ называет Плеяды. Это слово по созвучию вызывает представление о холодном небесном пожаре (Плеяды очень яркие, особенно осенью, когда они по-лыхают в темном небе действительно, как серебряный пожар)”¹².

Название *Волосожары* можно пояснить таким образом: когда сено вынута из стога, то оставшиеся шести-стожары, особенно издалека, напоминают волосы. Тем более, что в русских говорах есть специфическое значение слова *волосы* — “волосы солнца”¹³, т.е. “лучи солнца”. Поэтому, видимо, Афанасий Никитин называл в “Хождении за три моря” созвездие Плеяд *Волосынями*: “Во Индеи же бесерменьской, в великом Бедере, смотриль есми на Великую ночь на Великий же день — *волосыны* да кола в зорю вошьли, а лось головою стоит на восток”¹⁴. Название *Волосыни* зафиксировано и в опубликованной польскими учеными рукописи XVI в. “Русско-немецкий разговорник Томаса Шrove” в форме *woloŝmý* с пояснением: *das Siebengestirn*, т.е. “семь звёзд”¹⁵. В словаре И. И. Срезневского приводится древнерусский (скорее церковно-славянский) эквивалент этого названия, бытовавший в XII в.: *власожельць/власожельць* (wtъ запада *власожелець* до възвращенія зимнаго)¹⁶.

Еще более, чем *Плеяды/Стожары*, в народе известно созвездие *Большой Медведицы* (*Ursus Major*). Оно очень четко вырисовывается на фоне усыпанного мириадами звезд небосвода. В русских говорах наблюдается более 50 различных названий Большой Медведицы. По ходу этого созвездия на небе в ночное время легко высчитывать время.

С. А. Есенин ассоциировал название Большой Медведицы с ее древним названием *Лось* и со словом *полоса*: “Он посмотрел в пространство.

— А ты знаешь, как называется гладкая лента воды в море или река, освещенная солнцем?

— Нет.

— Лоса: “Лоса”, созвездие Большой Медведицы, которая в воде — полосе воды — отражается: “Лоса в лосах!” — И добавил поговорку: — Хотелось лоса, да не удалось. Правда, красиво?”¹⁷.

Вполне вероятно, что кроме общности функции (определение ночного времени) эти созвездия в народном сознании объединились и благодаря наличию сакрального числа звёзд в них — 7 (отсюда названия Семь звёзд, Семизвездье, Семёрка и т.п.).

Вспомним мандельштамовское: “Звезд в ковше медведицы семь. Добрых чувств на земле пять” (“Я по лестнице приставной...”, 1922).

Н. С. Гумилев в стихотворении “В небесах” (1910) поэтично использовал первичные значения в названиях созвездий, представив небо как место охоты:

Ярче золота вспыхнули дни,
И бежала Медведица-ночь.
Догони ее, князь, догони,
Зааркань и к седлу приторочь.

А помощником в благом деле борьбы дня с ночью будет созвездие Псов:

Укажи на Медведицу-ночь
Богатырскому Псу своему.

И все это не только ради торжества дня над ночью, а

Чтобы в небе спокойно паслись
Козерог и Овен, и Телец.

Н. Глазкову астрономы понадобились для частушечного зачина стихотворения, в котором первые две строки семантически не связаны с двумя последующими. Правда, у поэта эти первые две строки усиливают эффект холода, наступившего после ростепели:

Сияет Большая Медведица,
Полярная светит звезда...
У нас на земле гололедица,
Я думаю, что ото льда.
(“Песенка”, 1972)

В русских народных говорах *Млечный Путь* имеет более двух десятков названий. Визуально его можно представить по стихам О. Э. Мандельштама:

Звезда с звездой — могучий стык,
Кремнистый путь из старой песни,
Кремня и воздуха язык,
Кремень с водой, с подковой перстень.
На мягком сланце облаков
Молочный грифельный рисунок —
Не ученичество миров,
А бред овечьих полусоновок.
(“Грифельная ода”, 1923)

И чисто поэтически, только ассоциативно он пишет о звездном небе как бы в пику Батюшкову:

Нет, не луна, а светлый циферблат
Сияет мне — и чем я виноват,
Что слабых звезд я осязаю млечность?
И Батюшкова мне противна спесь:
Который час, его спросили здесь,
А он ответил любопытным: вечность!¹⁸

Другой поэт, Н. Заболоцкий, отметив среди наиболее интересного в окружающем мире народную астрономию¹⁹, при обсуждении книги английского физика и астронома Д. Х. Джинса “Вселенная вокруг нас” (М.; Л., 1932) так охарактеризовал конфигурацию звезд, составляющих Млечный Путь: “Вселенная имеет свой непонятный путь. Но посмотрите на интересный чертеж в книге — распределение шаровых скоплений звезд в плоскости Млечного Пути. Не правда ли, эти точки слагаются в человеческую фигуру? И солнце не в центре ее, а на половом органе, земля точно семя вселенной Млечного пути”^{19а}.

Как ни странно, среди поэтов маловостребованной оказалась самая постоянная и самая яркая звезда — Полярная. Хотя это очень совпадает и с ее аналогичной невостребованностью в простом народе: она годится лишь для выяснения направления, да кто ж ходит по ночам? Однако В. Г. Бенедиктов посвятил ей свое стихотворение:

Небо полночное звезд мириадами
Взорам бессонным блеснит,
Дивный венец его светит Плеядами,
Альдебараном горит.
Пышных тех звезд красоту лучезарную
Бегло мой взор миновал,
Всё облетел, но упав на Полярную,
Вдруг, как прикованный стал.
(“К Полярной звезде”, 1835)

Что же привлекло глаз поэта, почему он остановился на этой, с народной точки зрения, неживой звезде. Сам же поэт и отвечает: “Торний маяк для очес!”, “Серебряный якорь небес”, поэтому он и закладывает свой ответ в свой же вопрос:

Не оттого ли так сердцу мечтателя
Мил твой таинственный луч?
Молви, не ты ли в деснице создателя,
Звездочка, вечности ключ?

А. Ахматовой в “Реквиеме” Полярная звезда понадобилась, чтобы показать мертвящий холод, исходивший от другой звезды — кремлевской, сталинской звезды:

Мне все равно теперь. Клубится Енисей,
Звезда Полярная сияет.
И синий блеск возлюбленных очей
Последний ужас застигает

(19 августа 1939 г.)

Для В. Ходасевича звезды (созвездия) и их названия были стимулом для выработки собственных образов:

Сквозь облака, по сферам райским
(Улыбочка туда-сюда)
С каким-то веером китайским
Плывет Полярная Звезда.
За ней вприпрыжку поспешая,
Та пожирней, та похудей,
Семь звезд — Медведица Большая —
Трясут четырнадцать грудей.

(“Звезды”, 1925)

Великий знаток русской природы И. А. Бунин прекрасно знал звездное небо. Поэтому для него было оскорбительным, чуть ли не святотатством, поэтическое высказывание В. В. Маяковского, о котором он писал в письме А. Седых: “Я напомним (очень спокойно), как он называл звезды не иначе как “плевочками”...”²⁰. В статье А. П. Тер-Абрамянц отмечено: “Поражает знание Буниным звездного неба, конкретных звезд, созвездий. Встречаются то и дело в его произведениях, кроме общеизвестных Венеры, Марса, Полярной звезды, Ковша Большой Медведицы и Млечного Пути — Сириус (любимая звезда!), Арктур, Вега, Юпитер, созвездия Капеллы, Волопаса, Ориона, Скорпиона, Пса, Плеяды, Конопуса, Ворона, Южный Крест...”²¹.

Зачастую именно звездное небо вдохновляло Бунина. Не зря он писал:

Как письмена мерцают в тверди синей
Плеяды, Вега, Марс и Орион.
Люблю я их течение над пустыней,
И тайный смысл их царственных имен!

В рассказе “Кастрюк” есть такой фрагмент: “... дед постлал себе у межи полушубок, зипун и с чистым сердцем, с благословением стал на колени и долго молился на темное, звездное прекрасное небо, на мерцающий Млечный Путь — светлую дорогу ко граду Иерусалиму”. Бунин здесь с помощью определе-

ния оригинально совмещает речь автора с мыслями молящегося деда: ведь “светлая дорога ко граду Иерусалиму” — это раскрытие народного названия Млечного Пути — “Дорога на Ерусалим”²².

А вот впечатления И. А. Бунина от созвездия Ориона в тропиках: “В шесть часов, тотчас после заката солнца, увидел над самой своей головой, над мачтами, в страшно большом и еще совсем светлом небе, серебристую россыпь Ориона. Орион днем! Как благодарить Бога за все, что дает Он мне, за всю эту радость, новизну!”²³. А буквально через три дня (19 февраля 1911 г.) — новые восторги пред видом ночного неба: “Четверть месяца стоит очень высоко и светит очень ярко, — с правой стороны настоящая лунная ночь. Россыпь Ориона в зените. Южный Крест на юге, в большом пространстве почти пустого неба. Смотрел на него и вдруг вспомнил, что у Данте сказано: “Южный Крест освещает преддверие Рая”. Слева низко лежала серебром раскинутая по темносинему небосклону Большая Медведица, под нею, почти на горизонте, печально белела Полярная Звезда. А на востоке точно ветром раздувало какую-то огромную и великолепную звезду, ровно и сильно пылавшую красным огнем. И ход наш был прямо на нее”²³. И, видимо, это была не Венера, поскольку Бунин хорошо знал эту звезду, в частности, в конце мая 1911 г. он писал: “Ночь ледяная, с золотой, круглой Венерой над закатом, с молодым месяцем”^{23а}.

Даже будучи в эмиграции, во Франции, Бунин постоянно обращался к звездам, как к чему-то связующему его с Родиной. В цикле Бунина “Провансальские рассказы” есть диалогическая зарисовка “Звезды”. Здесь в форме разговора рассказывается о звездном небе, его символике и названиях с позиций французского народа, причем ответы дает Жан (ср. русск. Иван), хотя авторское Я обозначено через имя Фредерик. Дело в том, что всю мудрость звездного неба преподает Жан, а Фредерик как бы переводит это в плоскость своей культуры. Вот образец:

“Он

Тогда отправимся прежде всего вот этой дорогой, белеющей с севера к югу: это путь святого Иакова, прямой путь во Франции в Испанию. Когда император Карл Великий воевал с сарацинами, святой начертал этот путь в небе, чтобы указать ему дорогу.

Я

Язычники называли это Млечным Путем”²⁴.

А вот современнику И. А. Бунина Федору Сологубу было

мало существующих названий звезд, и он придумал новое название — *Маир* (видимо, отталкиваясь от общеизвестного и излишне для русского языка изысканно-красивого названия *Альтаир*):

Звезда Маир сияет надо мною,
Звезда Маир,
И озарен прекрасною звездой
Далекий мир.
(“Звезда Маир”, 1898)

Да и название Альтаир все же оказалось упомянутым:

Но, конечно, в путь наш Млечный
Не вместится этот мир.
Близок нам он бесконечно,
Дальше он, чем Альтаир.
(“Легкокрылою мечтою Унесен ты от земли”, 1926)

Упомянул Ф. Сологуб и Сириус:

Угол падения
Равен углу отражения...
В Сириус яркий взглядишь:
Чьи-то мечтания
В томной тоске ожидания
К этой звезде вознеслись
(1926)

Более конкретно о Сириусе высказался В. Брюсов, целиком посвятив ему стихотворение “Жрец”:

Далекий Сириус, холодный и немой!
Из ночи в ночь надменно
Сверкаешь ты над сумрачной землей,
Царишь над бедственной вселенной
(1894)

Названия звезд небесных в сатирической поэзии вполне могли встать в антонимический ряд со звездами на чиновных мундирах, как это случилось в стихотворении поэта “искровца” П. Вейнберга “Взгляд на природу”:

Эти Сириусы, Марсы
Для меня смешны и странны:
Мне милее Станиславы,
И Владимиры, и Анны
(1862)

Аналогично показал свое отношение к звездам небесным и П. В. Шумахер с той поправкой, что это эпиграмма:

В мои безумные года

На чистом небе летней ночи
Большая, яркая звезда
Мои приковывала очи.
Теперь мне кажется смешна
Сия небесная забава:
Теперь приятна мне одна
Звезда святого Станислава

Юмористически в качестве пародии на стихи К. Случевского изобразил звездное небо и поэт-сатирик Д. Д. Минаев:

Подбоченься, ходит месяц
Голубой лазурной высью,
От востока и на запад
Пробегая плавной рысью.
И, прищуря томно глазки,
Со звездой звезда болтает,
А Меркурию Венера
Подозрительно мигает.
(1860)

А В. В. Маяковскому Большая Медведица оказалась необходима лишь для показа прорехи в крыше:

и...
сквозь потолок видна
Большущая Медведица.
("Дождемся ли мы жилья хорошего?
Товарищи, стройте хорошо и дешево!", 1928)

А, может быть, лишь для того, чтобы просто изобразить ночь:

Или
ночь когда
в звездищах разночится
и Медведицы
всякие
лезут —...
("Разве у вас не чешутся обе лопатки?", 1923)

В любом случае ощущается наплевательское отношение к звездам, даже если благодаря близости к ним герой В. Маяковского (летчик) ощущает какое-то превосходство:

Вокруг
меня
вселенная движется. —
А в небе
одних
этих самых Марсов

такая
сплошная
огромная масса...
(“Издательство летчика”, 1923)

Такое же отношение к звездам у него и в поэме “Владимир Ильич Ленин”,

Теперь
на Марсов
охотится Пулковое,
перебирая
небесный ларчик.
(1924)

И вот дождались. В. Брюсов уже с преступной надеждой полагал, что пролетариат сможет все, даже:

Станут иными узоры Медведиц,
Станет весь мир из машин и из воль...
(Грядущий гимн, 1921)

Для формирования баснописной метафоры понадобился Сатурн Ю. Н. Тынянову: “Когда один из столпов Пролеткульта, выступая на эстраде, заявил, что пролеткультовцы, пожалуй, согласны считать (хоть и с оговорками) своим попутчиком Горького, Тынянов написал в Чукоккалу:

Сатурново кольцо сказала: “А недурно
В попутчики б теперь мне пригласить
Сатурна!”²⁵

Никите Богословскому астронимы показались очень удачными словами для названий фантастических повестей и романов. В своей пародии “Для вас, фантасты” он саркастически рекомендует:

“Лучшие названия для романа или повести — “Планета” или “Звезда”. Причем обязательно с дополнением — для планеты с цветовым, а для звезды с буквенным. Например: “Синяя планета” (белая, зеленая, беж, желтая, черная), “Звезда X” (Y, Z, L, лучше второй половины латинского алфавита. Еще лучше — греческий язык, например: Тау, Пи, Ипсилон, Альфа, Омега, Дельта)”²⁶.

Известного пародиста А. Иванова за душу тронуло то, что в стихотворении Г. Русакова были такие строчки:

Горит на небе зверье око.
Течет к земле Молочный Путь.

Вот этот-то Молочный путь раздражил пародиста и заставил его откликнуться пародией:

Вам не случилось удивиться,
Завида в небе как-нибудь
Ковош Большой Медеведицы
И рядом с ним — Молочный Путь!
Такая у меня манера —
Названья звездам сам даю.
Сатурон, Урн, Юптер и Внера,
Я всех их сразу узнаю!

Г. Русаков, видимо, использовал для рифмы украинский вариант названия, что дало возможность пародисту совершенно бездумно и безграмотно поизголяться²⁷.

Если в астрономии принято называть новооткрытые объекты по имени открывателя или выдающихся современников, то Б. Брайнин в своей пародии “В созвездии Вегина” использовал фамилию поэта, переосмысленную как образованную от названия Вега^{26а}.

С. Довлатов написал миниатюру, в которой движущей силой сюжета является астроном: “Найман и Бродский шли по Ленинграду. Дело было ночью.

— Интересно, где Южный Крест? — спросил вдруг Бродский.

(Как известно, Южный Крест находится в соответствующем полушарии.)

Найман сказал:

— Иосиф! Откройте словарь Брокгауза и Ефрона. Найдите там букву “А”. И поищите слово “Астрономия”.

— Вы тоже откройте словарь на букву “А”. И поищите там слово “Астроумие”²⁸.

И совершенно обратный случай: Вячеслав Иванов первый свой лирический сборник озаглавил “Кормчие звезды”. Здесь часто показывается звездное небо, но объекты ночного неба не называются именами, а лишь описываются. Даже в том случае, когда стихотворение посвящено одной звезде (Венере), дается лишь ее описание:

Над опаловым востоком
В легионе светлооком
Блещет вестница Зари.
Ранних пастырей отрада
Утра близкого лампада,
Благовестная, гори!..
(“Утренняя звезда”)

В тех случаях, когда он все же называет звезды, очевидно его стремление дать это название не традиционно. Так, вместо Венеры используется менее известное Веспер:

И ясней мерцает Веспер,
И все ближе даль синеег...
(“Усталость”)

Так же поступал и А. А. Фет:

Долго еще прогорит Веспера скромная лампа,
Но уже светит с небес девы изменчивый лик.
(Из цикла “Вечера и ночи”, 1842)

Н. В. Кукольник также склонен вместо Венеры употребить Веспер:

И смотрит Юпитер приветно
На наш врассыпную поход,
И ждет нас на сон безответный,
Нас Веспер на сходку зовет.
(“Холмистые дали как волны...”, нач. 1840-х гг.)

Да и А. С. Пушкин в “Евгении Онегине” употребляет именно это название:

Уже редеют ночи тени
И встречен Веспер петухом.

Этот момент в романе глубоко затронул Ю. М. Лотмана. Он отметил “неточность” у поэта: “Венера бывает утренней или вечерней, в зависимости от положения ее на орбите относительно Солнца и Земли. В день дуэли (14 января 1821 г. по ст. стилю) она была утренней (поэт называет ее неточно Веспером — это название было дано античностью только вечерней Венере, утренняя именовалась Люцифером)”²⁹. Значительно раньше (1964 г.) этот же факт отметил писатель В. В. Набоков: “...*Веспер*... — По странной оплошности Пушкин называет утреннюю звезду “Веспером” (другое название — Гесперид), хотя это имя вечерней звезды, в то время как правильное название утренней звезды — Люцифер или Фосфор. Всеми этими именами древние называли планету Венеру”³⁰.

Вообще Венера очень популярна у русских поэтов: и название планеты, и имя богини. Так, чтобы различить первое от второго, С. Е. Раич употребляет разные лексемы:

Подумаешь: там каждый раз,
Как Геспер в небе засияет,

Киприда из шелковых влас
Жемчужну пену выжимает.
("Вечер в Одессе", 1823)

И в редких случаях Вячеслав Иванов употребляет обычные названия созвездий:

А там — с Медведицей лучащейся
Плывет огромный небосвод.
("По течению")

К стихотворению "Дни недели" поэт дает эпиграф, в котором названы планеты, символизирующие дни недели:

Обычай приурочивать дни к семи светилам, именуемым планетами (Солнцу, Луне, Марсу, Меркурию, Юпитеру, Венере и Сатурну), возник у египтян, но существует у всех людей

Дион Кассий

Однако из латинских названий в своем стихотворении Вяч. Иванов сохранил лишь именованья *Марса* и *Сатурна*. Остальные названия заменены греческими эквивалентами: вместо *Меркурия* — *Гермий*, вместо *Венеры* — *Афродита* и *Аврора*, вместо *Юпитера* — *Зевс*.

Аналогичный цикл составил и М. Кузмин. И хотя цикл назван "Пальцы дней" (1925 г.), все же речь о днях недели, поскольку стихи имеют именно такие заголовки: "Понедельник (Луна)", "Вторник (Марс)", "Среда (Меркурий)", "Четверг (Юпитер)" и "Пятница (Венера)". Суббота и Воскресенье лишены звездных пометок.

В поэтической трактовке звездного неба в своей трагедии "Прометей" Вяч. Иванов идет вслед за мифом:

Что медлят огненосцы? Уж Орион,
Преследуя Плеяд, уходит с неба.

А в цикле "Римский дневник 1944 года" Вяч. Иванов начальные стихотворения строит по месяцам на образах, порожденных названиями созвездий — знаков Зодиака или звезд. Правда, на январь падает не определенный знак Зодиака, а Вифлеемская звезда (видимо, в связи с празднованием Рождества Христова по православному календарю):

Как древний рай покрыла схима,
С ним стала нам и ты незрима,
Звезда, венчавшая Эдем,
Пока трем небовидцам чистым

Ты в хороводе став лучистом,
Не указала Вифлеем.
(“Январь”)

Опушились мимозы,
Вспухли почки миндалей,
Провожая Водолей.
(“Февраль”)

Март, купель моих крестин,
Возродительной измены,
Бунта месяц, лома льдин
И ветров внезапной смены

Ты, чей Марса славит звук,
Сеял бранные обиды...
(“Март”)

В ночь звездопад; днем солнце парит,
Предсмертным пылом пышет Лев.
Спрячь голову: стрелой ударит
Любовь небесная — иль гнев.
(“Август”)

... В полудни, бос,
С кривым ножом, в ночи с Весами,
Стоит Сентябрь, сборатель гроз
Под золотыми небесами

Скорпий жалит с небосклона,
И была мне суждена
Боль от язвин Скорпиона, —
Ими жизнь освящена.
(“Октябрь”)

И завершается цикл вновь Вифлеемской звездой, но уже в декабре (опять в связи с Рождеством Христовым, но уже по католическому календарю):

И снова ты пред взором видящим,
О Вифлеемская Звезда,
Встаешь над станом ненавидящим
И мир пророчишь, как тогда.

А вот стихотворный цикл И. Ф. Анненского “Май”, “Июль”, “Август”, “Сентябрь”, “Ноябрь” оказался совершенно “беззвездным”.

У В. Брюсова ассоциации с Марсом не календарные, а цветочные. Стихотворение “Детские упования” он поместил в цикле “Семь цветов радуги” (раздел “Оранжевый”):

Снова ночь и небо, и надменно
Красный Марс блистает надо мной.
(1914)

Провожая И. А. Гончарова в кругосветное плавание, В. Г. Бенедиктов с хорошей завистью обратился к нему:

И ты свершишь плавучие заезды
В те древние и новые места,
Где в небесах другие блещут звезды,
Где свет лиет созвездие Креста.
("И. А. Гончарову", 1852)

Н. Ф. Щербина попытался поэтически описать мифическую историю волос Береники, ставших, как известно, созвездием:

Превратили в звезды боги
Прядь волос земной жены;
Новым блеском их чертоги
В небесах озарены.
("Волосы Береники", 1853)

По Н. Ф. Щербине, новые звезды согласны светить лишь при условии:

Чтобы мы не разделяли
В небе любящих друзей;
Чтоб, как прежде, заблестали
И светить бы рядом стали
Орион и Водолей.

Тот же Н. Ф. Щербина удачно использовал в эпиграмме на реакционный, по его мнению, журнал "Москвитянин" названия зодиакальных созвездий в качестве каламбура:

Когда давно уже бывало,
На Козероге Феб стоял, —
Едва всходил еще, отсталый,
На знаке Рака мой журнал.
("Москвитянин", 1856)

А. Тарковский посвятил созвездиям стихотворение, в котором он дает собственное их восприятие³¹:

Но там
Взошли мои алмазные Плеяды.
Семь струн привязывает к ним Саффо
И говорит:
"Взошли мои Плеяды,
А я одна в постели, я одна,
Одна в постели!"

Ниже и левей
В горячем персиковом блеске встали,
Как жертва у престола, золотые
Рога Тельца
и глаз его, горящий
Среди Гиад,
как Ветхого завета
Еще одна скрижаль.
< ... >
Я терпелив,
я подождать могу,
Пока взойдет за жертвенным Тельцом
Немыслимое чудо Ориона,
Как бабочка безумная, с купелью
В своих скрипучих проволочных лапках,
Где были крещены Земля и Солнце.
Я подожду,
пока в лучах стеклянных
Сам Сириус —
с египетской загробной,
собачьей головой —
Взойдет.
(“Телец, Орион, Большой Пес”)

В. Маяковскому названия планет были необходимы еще и для того, чтобы показать, как пролетарский поэт способен плавать в космосе:

Раз! —
это близко,
совсем близко
выворачивается Марс.
Пачками колец
Сатурн
расшуршался в балетной суете.
(“Пятый Интернационал”, 1922)

А. Тарковский мог представить космос и как символ, и как реестр покинувших его возлюбленных:

Пережду я очередь земную,
Поверну я азбуку стальную:
— А 13-40-25.
Я не знаю, где тебя искать.
Запоет мембрана телефона:
— Отвечает Альфа Ориона.
Я в дороге, я теперь звезда,
Я тебя забыла навсегда.
(“Звездный каталог”)

Не прошли мимо таких поэтических объектов, как звезды и созвездия, создатели авторских песен. Так, Н. А. Аксарина, анализируя “космическую” лексику песен Ю. Визбора, отметила, что помимо лексем “звезда”, “планета”, “луна” и их производных в песнях есть и астрономы: Луна, Млечный Путь, Пояс Ориона, Оберон³². Вот образцы визборовских употреблений астрономов:

Подлодка, скинув море со спины,
Вновь палубу подставила муссонам,
С подветренной цепляясь стороны
Антеннами за Пояс Ориона.
(“Командир подлодки”, 1963)

Или:

И мы уходим в мир суровый этот,
Где суждено не каждому пройти
И видно, как качаются планеты
На коромысле Млечного пути.
(“Третий полюс”, 1982)

Даже малая толика приведенных в статье стихотворных и прозаических примеров красноречиво говорят, что ночное небо никогда не было чуждым российским поэтам и писателям и всегда вдохновляло их на творческие свершения. Важно, что большинство авторов хорошо знало именник ночного неба, причем не только по научным святцам, но и по народным легендам и приметам.

¹ Олеша Ю. Книга прощания. М., 1999. С. 298.

² Иванов В. В. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек. М., 1969. С. 184.

³ См.: Рут М. Э., Ширихина Е. В. Словарь астрономов в русской поэтической речи // Словесность и современность. Пермь, 2000. Ч. 2. С. 114—120.

⁴ См.: Фомина Л. Ф. Наблюдения над функционированием космонимов в произведениях К. Г. Паустовского // Язык и стиль произведений В. П. Катаева, К. Г. Паустовского и Л. И. Славина. Одесса, 1987. С. 42—49.

⁵ См.: Немцова Б. Старобългарски простонародни наименования на звездите // Читалище. 1871. № 16. С. 748—751.

⁶ Нечаев В. Вспоминая Крученых..... // Минувшее. М.; СПб., 1993. Вып. 12. С. 384.

⁷ Гумилев Н. С. Pro et contra. СПб., 1995. С. 281.

⁸ Пришвин М. М. Собр. соч.: В 8 т. М., 1986. Т. 8. С. 49. ^{8а} С. 125. ^{8б} С. 120. ^{8в} С. 166. ^{8г} С. 583.

⁹ Рождественский В. С. Гумилев и Блок // Николай Гумилев в воспоминаниях современников. М., 1990. С. 225.

- ¹⁰ Кузмин М. Дневник 1905—1907. СПб., 2000. С. 245.
- ¹¹ Бунин И. А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990. С. 43.
- ¹² Паустовский К. Г. Собр. соч.: В 6 т. М., 1957—1958. Т. 2. С. 586.
- ¹³ Словарь русских народных говоров. Л., 1970. Т. 5. С. 57.
- ¹⁴ Никитин А. Хожение за три моря Афанасия Никитина. 1466—1472 гг. М.; Л., 1958. С. 23.
- ¹⁵ “Ein Russisch Buch” Thomasa Schrouego. Słownik i rozmówki rosyjsko-niemieckie z XVI w. Część 1: Wstęp. Fotokopie. Kraków, 1992 (Fotokopie). S. 68.
- ¹⁶ Срезневский И. И. Материалы для Словаря древне-русского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1. С. 270.
- ¹⁷ Иванов В. Из дневниковых записей // Воспоминания о Сергее Есенине. М., 1975. С. 268.
- ¹⁸ Чуковский К. И. Чукоккала. М., 1979. С. 56.
- ¹⁹ См.: Липавская Т. Встречи с Николаем Алексеевичем и его друзьями // Воспоминания о Н. Заболоцком. М., 1984. С. 53. ^{19а} С. 54.
- ²⁰ Седых А. Далекое, близкое. М., 1995. С. 227.
- ²¹ Тер-Абрамянц А. П. Созвездия Ивана Бунина: (Образы звездного неба в творчестве Бунина) // И. А. Бунин и русская литература XX века. М., 1995. С. 110.
- ²² См.: Ковалёв Г. Ф. Русская и украинская астронимия в говорах Воронежской области // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1997. Вып. 22. С. 53.
- ²³ Устами Буниных. Frankfurt a. M. 1977. Т. 1. С. 97. ^{23а} С. 106.
- ²⁴ Лит. наследство. М., 1973. Т. 84, кн. 1. С. 109.
- ²⁵ Чуковский К. И. Чукоккала. С. 339.
- ²⁶ Литературная пародия. М., 2000. С. 203. ^{26а} С. 437.
- ²⁷ См.: Еськова Н. А. “Ржаное небо”, “Воронеж” и “ковш Большой Медведицы” // Русская речь. 1994. № 1. С. 121.
- ²⁸ Довлатов С. Записные книжки. Л., 1992. С. 25—26.
- ²⁹ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина “Евгений Онегин”. Комментарий. Л., 1980. С. 302.
- ³⁰ Набоков В. В. Комментарий к роману А.С.Пушкина “Евгений Онегин”. СПб., 1998. С. 458.
- ³¹ Тарковский А. А. Волшебные горы. Тбилиси, 1978. С. 212—213.
- ³² Аксарина Н. А. Словообразы тематической группы “космическое тело” в поэзии Юрия Визбора // Духовные традиции славянской письменности и культуры в Сибири. Тюмень, 2002. Ч. 2. С. 96.